

Ластик) Фандорин встречается со своим очень дальним, крайне загадочным родственником, узнает семейную тайну и готовится стать миссионером в прошлое. «Вчера»: Ластик проникает в так называемую хронодыру на Солянке и, пытаясь завладеть алмазом, подрабатывает в цирке 1914 года. «Позавчера» занимает львиную долю книги: новая хронодыра, Ластик при дворе Лжедмитрия Первого, который на самом деле – Юрка Отрепьев, чудак из 5 «Б», провалившийся в древнюю монастырскую келью во время экскурсии по Киевской лавре еще в 1967 году. Со своими продвинутыми взглядами пионер Юрка обречен строить на Руси демократическое общество; мафиози Шуйский плетет интригу против молодого царя; гордая полячка Марина Мнишек оказывается не «классной девчонкой», а дешевой предательницей; зато Ластик успешно овладевает старорусским языком, всеми этими «вельми понеже», «житие мое», «паки, паки, иже херувимы»...

«Завтра», куда угодил Ластик, спасаясь от кровавой кремлевской резни, трудно назвать временем, потому что время там больше не движется, людей – в нашем понимании – нет, а бывшие мегаполисы, Москва, например, сохраняются как артефакты, с которых время от времени сдувают пыль. Тут «ДК», и без того вполне натуралистичная, переходит всякие детские границы, ибо неведомое стерильное существо диагностирует у Ластика педикулез, бациллы брюшного тифа, герпес и еще что-то в этом духе. Странно, что от своей подружки, дочери Шуйского, мальчик не подхватил к тому же хламидиоз или, уласи Господи, сифилис (бытовым путем, разумеется)... «Завтра» – на редкость скучная часть, скучнее только возвращение в

жанра, бессмысленно. «Детская книга» Акунина – это и фантастика, и шпионский роман (кто такой Ластик, если не засланный казачок?), и семейная сага, как все, написанное о Фандоринах, и исторический роман – в первую очередь. Более того, чувствуется явная перекличка с «Кладбищенскими историями» – путь в Смутные времена лежит для Ластика через могилу на Донском погосте. В пользу «ДК» можно сказать, что она значительно доступнее «Кладбищенских историй» по цене и при этом гораздо объемнее: щедро разверстанные «Истории» тянули в лучшем случае на журнальную публикацию...

Читать «ДК» взрослому человеку неинтересно. Но я и «Гарри Поттера» нипочем бы не одолела. Это Драгунский на все времена, а приключения по заданной схеме – на любителя. Когда говорят, что Акунин в вечности не останется (а говорят это, как правило, его коллеги, которым вечность тоже не грозит), подразумевается, что в его блестящих, виртуозных схемах нет ни капельки души. Борис Акунин не Мефистофель, он Faust. Современный, в меру циничный Faust, который холодно интересуется: «А зачем вам, собственно, моя душа?» – и Мефистофель отступает, обескураженный.

Зато мне очень нравится, как Акунин мифологизирует Москву. Не хуже Булгакова. Город убитый, город, потерявший историческое лицо, где дома предназначены, только чтобы в них жить, а любая улица – это просто асфальт, по которому можно ездить на машине (если повезет, то быстро), воскресает в книгах Акунина вообще, и в «ДК» в частности. Так и хочется заглянуть в потайные углы: не имеется ли там хроноотверстия средних размеров? Хотя бы 90–60–90? Представляю,

мальчик

«Сегодня», когда выясняется, что Ластик зря промотался между временами и миссию свою не выполнил. А что вы хотите? У него ведь и прозвище соответственное. Ластиком только стирать можно, а новое создавать нельзя.

Роль Эраста Петровича Фандорина в «ДК» трудно назвать даже эпизодической. Стукнулся к нему правнук в 1914-м, но предка не застал. Как говорят соплеменники Григория Чхартишвили (по отцу), «я заходил к вам, но квас не было дома»... Обсуждать, в действительности ли чиста пресловутая чистота

сколько у нас бомжей и кошек по разным эпохам путешествует...

Борис Акунин – гуттаперчевый мальчик нашей литературы. Уже семь лет он демонстрирует нам свое главное качество – гибкость, то есть способность гнуться в разные стороны с одинаковым успехом. Акуниным, как резинкой, пардон, как мощным ластиком, во многом стерли современную российскую словесность. Но печалиться не о чем. Все равно несгибаемые стиранию не подлежат.

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ